

Владимир Мищенко

16+

Возвращение в тайгу

книга 2

Владимир Мищенко
Возвращение в тайгу

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Мищенко В.

Возвращение в тайгу / В. Мищенко — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Чтобы отомстить за убитых друзей, вновь придётся вернуться туда, откуда с таким трудом выбрался, преодолеть новые опасности и испытания. Победа или смерть - девиз главного героя.

(продолжение “Летней прогулки по тайге”)

Пошли вторые сутки, как я добровольно истязал свои ребра, отлеживая их на жестком матрасе верхней полки купейного вагона скорого поезда “Москва – Владивосток”. Я выспался на неделю вперед и десятки раз просчитал возможные варианты моего визита к “друзьям”. Мерный перестук колес пробивался сквозь головную боль переспавших мозгов и вновь навевал легкий, тревожный сон. Иногда память подсовывала воспоминания, не всегда желанные.

Несколько месяцев назад.

– Алло, здравствуйте. Помните, я с месяц назад звонил вам: спрашивал про Максима. Вы сказали, что ему уже лучше. А как сейчас? Максим уже выписался?

– А, сынок, я узнала тебя. Ты товарищ Максимушки. Вместе служили. Помню. Вот только нет нашего Максимушки.

– Как нет? Не понял? Ему же легче стало.

– Да. Его перевели в общую палату, но однажды утром все проснулись, а Максимушка нет.

– Но такого не может быть! Если ему ночью стало хуже, то там же дежурный врач есть. Медсестра, наконец.

– Да медсестра, как сменилась с дежурства, так ее больше и не видели.

– И что?

– Ничего. Идет следствие. А что толку? Максимушки-то нет. Максимушку больше не вернешь.

+ + +

В поезде мне не повезло с самого начала: соседкой по купе стала достаточно объемного вида “русиш фрау” с двумя пацанами одногодками лет девяти – десяти. А поц есть поц, и лезет он всюду, даже куда не надо, и не сидит он спокойно на положенном ему месте. И ехали мы вместе с ними аж до самого Ощепково, что почти посередине между Свердловском и Тюменью. Мне ничего не оставалось, как просто лежать на полке и пялиться в окно. За окном, будто часы в будильнике, мелькали остановки: Пермь, Свердловск, Тюмень, Омск. Вскоре за Омском, на Кормиловке зашел новый попутчик.

– Здоров будь, братан. – Сказал он мне, зайдя в купе с большим чемоданом в одной руке и большим пакетом в другой. – Не побрезгуешь? Свежевяленая омская рыбка и дюжина бутылочек пива. Пиво пьешь?

– Пью.

– И отлично. А то сюда ехал, так не поверишь, сосед попался, умора, водку не пьет, пиво не пьет. А что еще в поезде делать, скажи на милость?

Вопрос был риторический. Собственно, он и не ожидал моего ответа. Вместо этого он быстренько вскрыл свой чемодан, достал спортивный костюм и здесь же переоделся.

– А теперь можно и расслабиться. Тебя, кстати, как зовут?

– Алексей. – Машинально ответил я.

– О, а я Александр.

– Надеюсь, не Македонский.

– Нет. Но ты чуть не угадал – Невский. Не веришь – глянь. Вот моя ксива. Читай.

Действительно, в его паспорте было написано: Александр Владимирович Невский, 1960 года рождения. Место рождения: Магдагачи, Амурской области.

– Я смотрю – родом из Амурской области. Домой едешь?

– Да не-а. Я сейчас в Бердске осел. Это сразу за Новосибирском будет. Там у меня все схвачено. Своя база, кореша. Хотя основной бизнес в Новосибирске. Сам понимаешь: большому кораблю – большое плавание. Но у меня и в Новосибирске квартира шикарная есть. Будешь в городе – заходи.

– Наверяд ли. Я намного дальше еду. Дела.

– Жаль. Ну, вот хотя бы визиточку мою возьми. Меня даже в Барнауле знают – помогут, если что. Хотя тебе не по пути. А сейчас я в Ачинск еду. Бизнес.

– Спасибо. Но меня сейчас волнует другое, и, возможно, не менее важное.

– Что такое?

– Открыла ли проводница второй туалет или нет? Залив в себя столько пива под рыбку, в очереди стоять будет не фонтан.

– Ха-ха-ха. Будь спок, братан. Все схвачено. Я уже отслонявил стюардессе капусты, и она у себя толчок прикрыла. Только намекни – дверца и откроется. А может ей шепнуть, и она водочки подтянет к пиву?

– О, нет. Знаю, что пиво без водки – напрасно выпитый напиток, но у меня после ерша жутко болит голова. Даже таблетки не помогают.

– А сто грамм?

– Тоже. Проверял. И не раз.

– Ну, смотри. Я предложил – ты отказался. Я тогда тоже не буду. Разомнемся только пивом. Начинай. Вот газета под косточки.

– А вот косточки обсасывать – это кайф.

А-а, не говори. Я тоже от этого балдею.

– Много ли человеку для счастья надо.

– И не говори, братан. Хорошо сидим.

– Ой, хорошо.

Сосед, оказывается, отслонявил проводникам не только за туалет, но и за два оставшихся места, поэтому мы ехали до его остановки вдвоем. Да, вдвоем, но в окружении множества бутылок, которые регулярно подносил проводник. Голова моя все-таки от такого обилия пива болела. И, вообще, мы сейчас с ним жили, как в той рекламе: я пью и писаю, невозможно остановиться. Доев очередную рыбу, я собрал чешую и кости в газету, открыл дверь и пошел к мусорному ведру.

– Девушка, а что за станцию только что проехали?

– Чернореченское.

– Чернореченское? Спасибо.

Шурик лежал в купе и глядел на меня ослоневшими глазами.

– Саш, Чернореченское проехали.

– Как Чернореченское?! Не врешь?

– Если стюардесса врет, то и я вру. Это она мне сказала.

– Екарный бабай. Видно не судьба. Поеду с тобой до Красноярска. Все, что происходит – к лучшему. Меня братва давно уже туда зовет.

Он достал сотовый телефон и набрал номер.

– Это Саша Невский. Тут такая тема: я еду в Красноярск к братве. Там тормознусь на пару деньков. Да. Пару вопросов перетрем. Матросу передай, чтоб без пантов все было. Понял? Валяй. Все путем, братан. – Это уже ко мне. – Гульнем с тобой еще немножко. Понравился ты мне: правильный мужик.

– Вот только у мужика башка болит.

– Поправим.

– Не. Я лучше таблеточку заглочу. – Ответил я и полез в чемодан за аптечкой. Нашел нуروفен – остальное слишком слабо для меня.

– Я смотрю, аптечка у тебя, как у доктора какого. Дай-ка взгляну.
Александр потянулся к чемодану и вместе с мешочком аптечки случайно приподнял еще один.

– Тяжелый какой.– Удивился он.

Я обернулся, но было слишком поздно: он ощупывал содержимое второго мешка, из которого явно выступали характерные округлости.

– Да ты, братишка, с сюрпризом, как я посмотрю. Ты террорист, что ли?

– Да упаси тебя Господь. Да ни за что я не буду безвинных убивать.

– А-а, понял – это у тебя грузило на удочку.

– Увы, нет. Но ими, возможно, придется угостить кой кого.

– Круто. Особенно, если учесть, что ты едешь один. Или они уже там. В смысле, кореша твои.

– Увы, опять нет. Мои братишки там.– Сказал я и показал пальцем в сторону, откуда мы ехали.– Их достали, а меня не сумели. Теперь я еду долги отдавать.

– Месть – дело благородное.

– Я не мстить еду. Я хочу помочь проведению все расставить на свои места.

– А не боишься в одиночку-то?

– Когда год назад уходили оттуда – боялся. А сейчас я забыл, что такое страх смерти. Может, поэтому и выжил, а они нет.

– Испугались?

– Нет. Просто они не были готовы морально. Не ожидали ударов в спину. Им мешали их семьи.

– В спину? Как это?

– Одного раздавили фурой, второго – взяли количеством. Посадили на перышко.

– Так вы дорогу перешли братве?

– Да ну. Нет, конечно. Вояки. А они, к тому же, еще и легчики были. Жили в военном городке. Дороги не пересекались однозначно. Но со вторым дружком они наняли отморожков.

– Я давно говорю, что от беспредельщиков одни проблемы. Но как же в одиночку? Один в поле не воин.

– А я и не воин сейчас. Я перст судьбы.

– Хм. Мудрено. Да тебе видней. Уважаю. Этот кремень я в тебе с самого начала почувствовал. Стволы-то есть? Может, помочь чем?

– Нет, спасибо. Я дома запасаю. Потом созвонился с друзьями в Москве. Они помогли. Сам кое-что умею. Не пропаду. А, если и пропаду, жалеть некому.

– Холостяк?

– Одинокий скорпион.

– Обычно говорят: одинокий волк.

– Волки иногда на луну воют, а я всегда ползаю тихо, но жалю больно.

– Ха, стратег.

– Просто опытный.

– Жаль, не в моих краях будешь: я бы помог.

– Нет, не в твоих. Ты раньше сойдешь.

– Но у меня и дальше друзья есть.

– Нет. Раньше в моем плане было слабое место – жизнь моих друзей. Теперь мой план идеален. Теперь моя задача: перед смертью набрать себе побольше попутчиков.

– Не думаешь вернуться?

– Шансов мало, но, даже, если вернусь оттуда, то буду искать тех, кто все это там организовал.

– Крутые задумки.

– А иногда иначе нельзя. Когда деньги решают все, то есть покупают депутатов, министров, правосудие, тут обязан появиться одиночка и надеть шореху, поднять шум на всю страну, и тогда всколыхнутся газеты, телевидение, и правительство будет вынуждено принимать меры. Этим они поднимают свой рейтинг и топят конкурентов. Поэтому моя вторая главная задача – это не погибнуть слишком быстро.

– Удачи тебе, братишка.

– Спасибо. Но это на потом. А сейчас нас ждут вон те шесть бутылок.

В Красноярске Саша Невский сошел, а я до самого Тайшета ехал один в купе. И дальше города сменяли деревни за окном, а в купе – одни пассажиры – других. Мои мысли вновь возвратились к тому, что я сам взвалил на себя. Но я не привык жалеть о том, что решил или сделал. В одну и ту же воду нельзя войти дважды. И вот мой поезд, наконец-то, остановился на нужной мне станции. Теплое, но не жаркое июльское солнце, освежающий ветерок. В такую погоду лежать бы где-нибудь на пляже у тихой речки, наслаждаясь видом мерно текущей воды и прекрасной женщины. Твоей женщины. Но... Я сдал свои вещи в камеру хранения, перекусил хорошенько в ресторане. Кто знает, когда я смогу еще раз также хорошо и вкусно поесть. Да и смогу ли вообще. У меня три варианта выхода из этой ситуации. Нет, чтобы сесть в поезд и уехать, об этом даже не может быть и мысли. Первый: победить и вернуться. Второй: не выиграть, но и не проиграть, погибнув там. Третий: проиграть, став еще одним зомби или каким-либо другим “подопытным кроликом”. Хотя на этот случай я подстраховался. Спасибо моим друзьям – медикам. Забрав багаж, я на такси выехал за город. Таксист немного удивился, когда я попросил его высадить меня посреди поля вместе с чемоданами. Но это его проблема. Свой путь я продумывал много раз и постарался его облегчить максимально. Разорвал картонную коробку и собрал складной велосипед. На специально переоборудованном багажнике закрепил чемодан, второй – пристегнув к нему лямки, надел на плечи по типу рюкзака. Велосипед в тайге – это металлическая лошадь. Мне было приятно ощущать какой я умничка и молодец, что додумался до такого способа передвижения. Мне только в трех местах пришлось спешиться, чтобы взойти на достаточно крутые подъемы. Больше десяти лет службы на Дальнем Востоке показали мне, что первозданной тайги, Тайги с большой буквы возле населенных пунктов давно уже нет на сотню километров, как минимум. И я, к сожалению, опять оказался прав. Вокруг была вторичная тайга, деревья которой годились лишь на огородку загона для скота. За Россию обидно, что живем, как свиньи, подьедающие корни кормящего дерева. Река, как обычно пишут в книгах, открылась неожиданно. Выкопав небольшую яму, уложил туда разобранный велосипед и запас еды в банках, на всякий случай. Надувная лодка стоит больших денег и занимает много места, поэтому я оборудовал и испробовал еще дома другие резиновые плоты, а, если точнее, резиновые камеры от бывшего моего автомобиля. Две, связанные между собой камеры, – мой плот, и по одной – на чемодан. И все это связано веревками в один караван. Как я уже сказал, система была не единожды апробирована еще дома. Выявленные недостатки устранены. Первые километры можно плыть и днем, но там, где можно нарваться на засаду – только ночью. Главное – не проскочить это место. Но даже и это не страшно: недель больше, недель меньше – ерунда. Я не зря потратил предшествующие месяцы, усердно изучая под руководством спецов топографию, рукопашный бой спецназа, подрывное дело и основы выживания в тайге. Разумеется, денег было потрачено, не меряно и водки было выпито немисливо, так как многое за деньги не продается, но дарится даром, простите за тафтологию, друзьями. А стать другом за короткий срок лучше всего за одним столом в хорошей мужской компании. И не обязательно с Толстяком. Хотя “Толстяк” тоже был – врач, если не от Бога, то от дьявола. Мой отпуск официально начинался с первого июля, поэтому все тренировки и занятия мне пришлось проводить после работы. Застолья, естественно, тоже после работы. Но все равно времени не хватало, поэтому через друга пришлось оформиться в больницу для лечения моего профессионального военного заболевания. Почти весь этот месяц я провел в

Москве в тренировках и приобретении нужных запасов. Зато теперь я плыл по реке уверенный в себе, в правоте своего дела и, самое главное, укомплектованный почти по полной схеме. На одном из изгибов реки я решил сделать привал и провести рекогносцировку, проще говоря – разведку местности. Припрятав снаряжение, почти двое суток шел по тайге. Но, увы... Я ожидал наткнуться на болото, но... “Попытка не пытка”, так любил говорить товарищ Берия. Еще одна остановка. Переночевал. Пищу готовил на спиртовке армейского сухпайка, чтобы дым костра не привлек внимания людей. Я же помню, какие они охотники. Рассвело. Потихоньку рассеялся туман над рекой. Рваные белесые облака поднялись к кронам деревьев и там растаяли. Пели птицы. Очень хотелось искупаться, но “алягер ком алягер” – на войне, как на войне. Грустно вздохнув об очередной безвозвратно упущенной возможности, я углубился в тайгу. Наконец-то я добрался до первозданной нетронутой непролазной тайги. Если бы не мой тесак с двадцатисантиметровым лезвием, я бы не прошел и ста метров. А так я углубился метров на пятьсот. В конце – концов, весь “в мыле”, утомленный, сел на свалившееся от старости дерево.

– Черт побери, как – будто специально деревья сюда наташили. Но нет, тайга здесь естественная, и деревья явно выросли здесь.

Но все равно какой-то жучек – мозготочек засел у меня в голове и не давал покоя. Почему? Ведь все естественно. Кусты, деревья, поваленные от старости? Что-то здесь меня насторожило. Да, вокруг растет много молодых деревьев. Даже слишком много, я бы сказал, но поваленные деревья должны быть трухлявыми или с какими-либо еще другими признаками старости. А эти? Да, моя догадка подтвердилась. Я сделал зарубки на деревьях, и это были отличные стволы, хоть сейчас отправляй их на мачты галеонов и корветов. Но возле вывороченных корневищ в радиусе три – четыре метра не росли кустарники, в отличие от других растущих деревьев. Скорее всего, их корни залили какой-то гадостью, что для местных подпольных химиков это как два пальца одеколоном полить.

– Спасибо тебе, братишка. Хоть и не помню, как тебя зовут, но, вроде бы, ты был морячок. Не зря ты тогда поделился со мной информацией. Я отомщу им за тебя. Отомщу и помогу проведению. Одно другому не мешает. И не надо меня ни в чем упрекать – вас же не было в прошлый раз с нами. Я узнал самое главное: я достиг цели. А остальное уже вторично. Сколько может длиться эта засека? Пять – десять километров? Ну, что для бешеной собаки крюк в десять километров? Тьфу. Вернувшись к реке, я немного задумался, куда плыть. Вниз – можно нарваться на засаду. Вверх – лень, так как придется грести довольно интенсивно. Но второй вариант более надежный. Я все-таки не компьютерный герой, у которого в запасе десятков сил и пара горшков с новыми жизнями. В данной ситуации я одноразовый... Не буду говорить кто или, тем более, что. Идя по берегу и гребя, я сделал еще три ходки в тайгу, в очередной раз, убеждаясь в ее непроходимости. Четвертая попытка оказалась удачной. Выкопал яму, где и припрятал свои плавсредства и некоторую ненужную пока мелочевку. Замаскировал ветками и сделал зарубки – памятки. Во времени меня никто не ограничивал. Впереди еще два месяца хорошей погоды. В принципе – я оптимист. Хотя, к сожалению, иногда бываю слишком информированным и, поэтому становлюсь пессимистом. Но об этом я говорил. Какое же наслаждение идти летом по тайге. Особенно без противомоскитной сетки. Может, опять местные химики вмешались и потравили эту гадость. Но ни здесь, ни в деревне гнуса не было. Когда мы удрали из деревни и мотались, где Макар телят не гонял, да, гнуса было предостаточно. Нам даже приходилось рубашками головы обматывать, чтобы хоть как-то защититься от этой гадости. Зверей слышно не было, но птичьи трели вполне заменяли и радио, и магнитофон. На руке у меня был компас, а в руке – самодельная топокарта. Да, она была сделана на уровне десятого века, но это меня вполне устраивало. Когда долго идешь без опаски – это расслабляет. Это случилось и со мною. Серо – коричневая потертая шерсть внезапно возникла передо мной. Не совсем близко, но метрах в трех. У меня заколыхалось в груди, и холодок прошелся по ногам.

– Снежный человек! – Подумал вначале я. – Нет, медведь! – Что хуже для меня, я не успел подумать, так как разглядел, наконец, остальное. – Матка Боска! Мамонт!

Да, это был настоящий и, что самое удивительное, живой мамонт. Точно такой был нарисован у меня в учебнике истории. В холке он был аккурат с меня ростом. Первоначальное чувство страха переросло в восхищение.

– Вот бы его оседлать и дальше двигаться на нем. – это была моя третья мысль. Животное, не заметив меня, а может, просто игнорируя меня, двинулось дальше. Еще чуть дальше затрещало и сломалось тоненькое деревце, и показалась туша еще одного мамонта. Чуть-чуть покрупнее: потяжелее килограмм на пятьдесят – восемьдесят и повыше сантиметров на двадцать. Логика подсказывала мне, что это был самец. Я предпочел затаиться, пока они не ушли. Всего не предусмотреть: фотоаппарат вещь хорошая, но это лишний груз. Хотя ради такого, я бы взял его. Ладно, проехали. К вечеру второго дня я вышел к болоту. Теперь я уже достаточно хорошо ориентировался на местности и мог выйти к деревне даже без карты. Лягушек не меряно. Здоровые и, что тоже удивительно, не пуганые. Вроде бы лисы, волки их должны есть, то есть пугать, но нет. Наловил я их, точнее – набрал, как грибов, штук двадцать и остальной вечер посвятил французской кухне. Что в них есть поесть – сами знаете. Короче, этим вечером я не скучал, тем более, где-то до часа ночи меня довольно сильно атаковали дамки, в смысле – комарики. Как не хотелось вставать утром, но долг, прежде всего. Есть в армии такое слово: “надо”. Теперь с каждым шагом приближалась секунда и миг встречи с врагом. Хорошо хоть я знал, что их схроны оборудованы в основном на деревьях. В болотце по правую руку увидел небольшой островок, образовавшийся весенним розливом болота. Вода достигала лишь щиколоток моих берц, поэтому я смело пошел на остров. Старинное заброшенное капище. Угли – почти камни. Замшелые грубо обработанные валуны, явно принесенные сюда откуда-то. И статуэтки. Вот в них-то вся и “фишка”. Как я опять пожалел об отсутствии фотоаппарата или сотового телефона с камерой. Но они очень дорого стоят, по крайней мере, для меня. Всего было три статуэтки. Высотой около двадцати и толщиной пять – шесть сантиметров. Вспомнив мирно пасущихся мамонтов, я бы сказал, что они были искусно вырезаны из бивней мамонта. Изображали они живых существ в динамике. И были эти существа человекоподобными ящерами. Или, говоря по-другому, звероящерами на двух мощных лапах, опиравшихся на не менее искусно вырезанные постаменты. В верхних менее мощных лапах они в свое время что-то держали, но со временем это что-то обломилось. Чешуйчатые, бугрящиеся мускулами тела были как живые. Но более всего поражали глаза. В них был виден ум. Даже не просто ум, а интеллект. Эти существа были явно разумные. Может, правы были те ученые, которые утверждали, что, если бы не катастрофа десять тысяч лет назад, то разумные ящеры правили бы миром, а не люди. Хотя, может быть и другая версия – инопланетяне. Древние индейцы ждали и дождались своего белокожего бога Кортеса со всей королевской армией, а здесь приземлились другие. Кто знает, а, может, кто и знает, но молчит. Я пометил крестиком примерное место капища на карте и пошел дальше. Треск веток я слышал достаточно далеко. Хуже было то, что треск приближался даже тогда, когда я остановился и прислушался. Довольно редкая растительность, но кустистая, то есть далеко не видно. Я огляделся в поисках ямы или большого куста, но увидел лишь толстое дерево с хорошей густой кроной. Меня не надо было уговаривать спрятаться. Минут через пять, обогнув куст, появилась здоровущая медведица с двумя крохотулями – медвежатами. Дети все лапочки, пока не подрастут. Они бегали, спотыкались на ровном месте, кувыркались. Если бы я смотрел на них по телевизору, то посмеялся бы. Ветер был не сильный, но порывистый и постоянно менял направление. Медведица кого-то почувствовала (интересно кого?) и стала довольно часто приподнимать морду, принюхиваться. Благо, что ее детишки были здоровенькими, а потому – шустрými непоседами, постоянно убегающими куда-то. Она была просто вынуждена уйти за ними, так как они открыто игнорировали ее грозное рычание. А учитывая, что мамочка весила двести – двести пятьдесят кило-

грамм, то и рычание у нее было соответствующее. Если бы она меня увидела и захотела напасть, то я бы смог себя защитить: у меня было огнестрельное оружие и, наконец, гранаты, включая Ф-1. Но существенным недостатком моего снаряжения было отсутствие приспособлений для бесшумной стрельбы. Ну, не смог я этого достать. Не смог. Конечно, дома я мог бы уткнуть пистолет в подушку и погасить звук выстрела, но слезать с дерева, чтобы прижать подушку к сердцу медведицы, мне не хотелось. Тем более что и подушки у меня вообще не было. По крайней мере, здесь. Прошло минут десять, как опустела поляна. Иногда мне хотелось в ответ на фразу: “Ух, пронесло!”, ответить: “Да, и меня тоже”. Но меня никто не спрашивал. Да и штанишки мои были сухие. Хотя писать мне хотелось. А вот слезать с дерева – нет. Судьба, проведение, случайность – это все я объединяю одним словом Бог. Вот Он, как раз, и удержал меня на дереве, несмотря на то, что мне сильно хотелось отлить и освободить, снять груз с души. Любой любитель пива знает, где у человека находится душа, поэтому часто удаляется в туалет, чтобы снять груз с нее. Я еще сидел на дереве, а внизу показались три живых существа. Если вы подумали, что это были звероящеры, то вы ошибаетесь. Хуже. Это были охотники из той деревни, куда я шел. Я бы с удовольствием подкинул им сюрприз в виде гранаты, но шум могли услышать в деревне, и охота началась бы уже за мной. Я впервые пожалел, что моя фамилия не Рэмбо, но не долго, так как моя фамилия мне нравилась больше. Тем более что Рембо не был георгиевским кавалером, как мой дед. Во всем надо видеть позитив. Так и здесь: охотники были вооружены карабинами, то есть звук выстрелов, я услышу, а до этого можно особо не опасаться за свой тыл. Охотники ушли, но я почему-то опять сидел на дереве. Что-то говорило мне: “Не торопись”. И я не торопился. Я уже начал и учился прислушиваться к тому тихонькому шепоточку, который мне подсказывал, что делать в самом начале дела, особенно – опасного для жизни. Я уже несколько раз убеждался, что, услышав эту первую, но очень тихую мимолетную подсказку, я отвергал ее впоследствии под влиянием своей логики, расчетов, здравого смысла и так далее. Но впоследствии, опять же, мои расчеты и логика, меня же, и подводили. Мудры были наши предки, когда говорили: “Делай, что на ум придет”. Не прошло и пяти минут, как появились еще два охотника. Судя по одежде и их поведению, – это были аборигены, то есть местные жители. Может быть это были земляки того пацаненка, что я встретил в прошлый раз? Но я не стал их окликать и удовлетворять свое любопытство. Они спокойно оглядели поляну, где резвились звери и прошли люди, но вот их внимание привлекла помятая трава возле небольшого трухлявого пенька, который я лихо перепрыгнул по дороге. Одно слово – профессионалы. Что-то потихоньку обсудив, они пошли дальше по следу. Я не сомневался, что меня по моему следу найдут и через неделю. Я не стал больше рисковать, а достал костюмчик с оригинальным названием “леший”, купленный у друзей за шестьсот рублей, навешал на себя кучу гранат, ножей и прочей всячины, столь необходимой, если хочешь выжить в такой ситуации. Как не вовремя эти следопыты нашли мой след. Если бы не они, то я уже и спальник мешок, купленный в магазине “Охота” за шестьсот пятьдесят рублей, и топорик, и еще кое-что давно бы где-нибудь припрятал. А так меня “жаба душила” – не оставлю, не найдут, не отдам. Мое! По моим расчетам я двигался правильно. А раз скоро цель, то и подготовиться надо, то есть отдохнуть, проверить снаряжение, да и вспомнить, как пользоваться теми сюрпризами, что снабдили меня мои друзья. Жаль, что огнемёт “Шмель” у меня только один, а то я ночью сжег бы все дома, оставив только бараки с рабами. Но на сюда и сюда нет. Пройдя километра три, я присмотрел себе уютное местечко. Прицепил себе на попochку, в смысле на штаны, специальный поролоновый коврик на резиночке и, приготовив оружие, уселся под деревом, рядом с кустом, похожим на меня в костюме. Сказалась легкая усталость, напряжение недавней встречи и напряжение предстоящих действий – я заснул. Проснулся от того, что нестерпимо воняло помойкой. Мне даже приснилось во сне что-то про нее. Без всяких задних мыслей открываю глаза. Ну почему вечно мне и на мою голову? Не далее, чем в трех шагах от меня стоял самый обычный звероящер. Да-да, именно такой, какие были на капище.

Только размером ближе к двум метрам. Насколько я мог судить со своего места. Нижние опорные ноги напряжены, верхние когтистые – нервно двигаются. Короче, машина для убийства включена и готовится к прыжку. Если у кого-то перед смертью что-то быстро вспоминается, то у меня очень наглядно всплыли картинки из “Парка Юрского периода”, как вот такие же твари ... Дальше додумать я не успел, так как в его глазах что-то изменилось, а любой боец вам скажет, что у противника это бывает перед началом атаки. Потом раздается резкое ИА-А, чтобы напугать и ошарашить врага.

– Ну и что ты на меня вылупился, морда ты нерусская?– Начал свою атаку я. Еще Суворов, который граф, писал, что лучшая оборона – это нападение.– Я тебя спрашиваю...– повысил тон я, тихонечко кладя руку на пистолетную рукоятку автомата.

– Н-н-н-н-е бой-с-ся-ся-ся. Я н-н-н-е п-п-п-ре-чи-н-н-н-ю в-р-р-р-ре-да. – Вдруг произнесло это существо. Его речь была сильно похожа на бред людей, которых показывают в психушках по телевизору. Причем слово “я” он пролаял, как собака, а остальные слова каким-то образом сочетали в себе шипящие завывающе – протяжные звуки. Было хорошо заметно, что ему гласные буквы произносить явно трудно. Да и речь его была похожа на речь сумасшедшего, если бы не содержание, смысл его слов. Каждое его слово длилось не меньше двадцати секунд, как у какого-то заики, что немного нервировало. Поэтому, по истечению такого длительного времени, я буду писать его манеру речи в человеческой манере, хотя, на самом деле, было так, как я описал ранее.

– Так ты еще и говоришь.– Не удержался я.

– Конечно, а что тут такого?

– Да. Действительно. За столько лет чему только не научишься. Но мне не говорили, что вы умеете говорить по-русски.

– А ты не один?

– Разумеется, нет. Нас много. Мы уже давно исследуем вас, фотографируем.

– Вы? Нас?! – Он явно был шокирован моей нахальной ложью.

– Да. У нас установлены камеры на тропах, где вы чаще всего ходите. Это обычное дело.

– А почему же мы вас ни разу не чувствовали, не уловили ваши мысли?

– Так мы ж, когда живем? Какой век на дворе. Сейчас любой запах отбить можно. А мысли? Хм. Ну, ты же сегодня уже прошел мимо меня и не заметил. Главное – практика.

– Но от тебя сейчас пахнет едой.

– Не удивительно. Сейчас и здесь я не за тобой охочусь. Да то, что ты меня увидел, и мы с тобой говорим – плохо. Если мой командир узнает об этом, то он меня накажет. Но я сейчас иду в деревню. Ты знаешь, где она?

– Конечно.

– Хорошо. Сейчас эта деревня стала плохая. Ее надо уничтожить. Оставить часть людей, хороших людей, а остальных надо убить. Ты как относишься к этой деревне?

– Никак. Нам еды хватает и без них.

Тут только до меня дошло, что от меня пахнет не той едой, что ел я, а я сам был едой для него. Очевидно, он был сыт и не стал есть меня. Хотя мог из меня приготовить себе закуску. Ах, да. Еды им хватает.

– Так ты поможешь мне ликвидировать эту деревню?

– Я не знаю слово: “ликвидировать”.

– Дома уничтожить. Плохих людей убить и съесть. Хороших – освободить.

– Хорошо. Но мои родители не разрешают мне есть людей, так как они потом начинают охотиться на нас, и нам приходится уходить в другие места, а там много тигров и больших людей.

– Это как?

– Большие. На тебя поставить еще такой, и будет взрослый большой лохматый человек. Мы с ним часто воюем, и они часто побеждают. Это очень сильный и умный человек. А у нас нет оружия, с которым прилетели сюда родители наших родителей. Вернее, оружие есть, но нет зарядов к ним. Их корабль разбился. Очень давно. Они выжили. Это было очень давно. Все кончилось. Мы выживать теперь сами, как тигр, как медведь.

– Да, не повезло. А дать сигнал о себе домой нельзя? Передатчики разбиты?

– Нельзя. Корабля нет, а те, что на спасательном корабле были, очень слабые: только в вашей галактике достают. Родители сказали, что сюда наши обязательно прилетят, но это будет только через несколько десятков ваших лет.

– Дела-а-а. Что ж, бывает. Хорошо. Пошли со мной. Твои родители не узнают. Плохих мы должны убить всех, поэтому они не расскажут. Хорошие – уйдут. Я сожгу все дома, и никто не догадается, что ты помог мне. Все равно убитых съедят дикие животные, что и костей не останется. Пойдешь со мной?

– Пойду.

– Хорошо. Тогда мне нужно минут тридцать – сорок нашего земного времени. А ты пока пожуй травку.

– Мы траву не едим. Мы – хищники.

– Тогда просто посиди, покури. Ой, извини, вы еще и не курите.

– Да.– Вполне серьезно ответил он, хотя как изобразить улыбку на морде его лица, я так и не понял. – А что ты хочешь делать?

– У нас есть поговорка: “Перед входом подумай о выходе“. Я хочу подготовить пути отступления на случай, если у нас не получится, и нам придется убегать от погони.

– Понял. Ловушки.

– Молодец. А так же для тех, кто пойдет по нашим следам и решит поохотиться на нас.

– Ты имеешь в виду, тех охотников, что были здесь недавно?

– Именно. А ты, оказывается, тоже следопыт.

– Нет. Просто они прошли недалеко от меня.

– Да уж. И местные охотники тоже?

– Да. Но этих я просто почувствовал по запаху, а тех – услышал и увидел.

– Понял. Значит, местные на мои ловушки не попадутся. А это уже хорошо.

– Да. Не надо убивать местных охотников.

– Я и не собираюсь.

– Хорошо. Потому что мне тогда пришлось бы съесть и тебя.

– Не придется. А если они сами нападут на меня?

– Если ты будешь рядом со мной? Не нападут.

– Но, если нападут, буду убивать. Это закон тайги.

– Да.

– Вот и чудненько. Договорились. Тем более за разговорами я приготовил несколько сюрпризов. Пойдем. Ты должен увидеть, где я их устанавливаю, чтобы ты сам не подорвался.

– Спасибо, что ты проявляешь заботу о нашем народе.

В общей сложности я установил пять ловушек – растяжек и две растяжки, но летающих с дерева и взрывающихся в воздухе, для увеличения радиуса поражения.

– Знаешь,– обратился я к своему новому товарищу,– мне нужно тебя как-то называть, чтобы обратиться во время боя. Была у меня одна знакомая, ее Тортила звали. Но это слишком длинное имя. Давай я тебя буду звать просто Тарт. Все равно твоего имени на вашем языке я не выговорю. Ты не против?

– Нет.

– А меня зови тоже просто: шеф. Тебе удобно произносить это имя?

– Да. Очень удобно. Шеф. Хорошо.

– Вот и договорились. Веди меня, Тарт, в деревню.

Забросив на плечи свои вещи, я двинулся за ним. Прошли немного: метров триста – четыреста.

– Обожди, Тарт. Очевидно, в ближайшие сутки дождь пойдет. У меня после Чернобыля перед дождем голова болит и слабость. Давай немного отдохнем. Я знаю, что сейчас расслабляться нельзя, но у меня, кажется, низкое кровяное давление, так как я еле иду от слабости. Полчасика посидим и пойдем. Кстати, ты домой не торопишься?

– Нет.

– Отлично. Тогда – привал.

Я с облегчением сбросил свою поклажу на землю и растянулся сам на нежной благоухающей траве. Я лежал и наслаждался жизнью.

– Ты почему улыбаешься? – вдруг спросил меня Тарт.

– Я наслаждаюсь жизнью с каждым вдохом. В повседневной жизни я это делаю, как само собою разумеющееся. Но бывают моменты, как сейчас, например, когда я это делаю осознанно, а потому – с большим удовольствием и наслаждением.

Я надеялся услышать что-то в ответ на мои философские рассуждения, но он почему-то молчал.

– А ты почему молчишь?

– Думаю. Твои слова напомнили мне то, что мне читал мой отец, знакомя и рассказывая о вас – людях. Это было написано на оленьих шкурах и свернуто в рулоны. Он говорил, что этот текст был переписан с другого, который был написан несколько сотен лет назад где-то на востоке, но людьми, которые туда пришли почему-то с севера.

– Может, чукчи какие-нибудь. Они на севере живут.

– Нет. Чукчи, эскимосы, эвенки – это все я знаю. Те пришли очень давно. Они были вынуждены уйти со своих земель из-за резкого похолодания. Часть из них осталась там, но где-то укрылись от холода, а остальные, больше половины, ушли на юг. Вернее, юго-восток. Чтобы сохранить в памяти то, что у них было, и что произошло, они написали большую книгу. Вот из этой книги и переписали на этот рулон.

– Интересно было бы почитать. А где он сейчас?

– Мы его отдали самому большому начальнику людей.

– Как? Какому?! – Испугался я. – В деревне?!

– Да. Но только не в ту, куда мы идем. А в ту, в которой живут местные охотники. Так ты их называешь.

– Ух, я уж испугался. Этим можно. Они сохраняют.

– Да. Мой отец тоже так сказал.

– Тогда я еще полежу немного. Так, чуть-чуть.

– А что хорошего так просто лежать. Живое существо должно или лежать, спать, или двигаться.

– О-о-о, ты не понимаешь. Знаешь, как здорово, когда ты можешь не думать о чем-то конкретно, а просто расслабиться и отпустить свою мысль, свое сознание в свободный полет. Твое сознание может, если ему сейчас этого захотелось, подняться ввысь в облака к звездам. Там купаться и наслаждаться в легком искрящемся эфире, насыщаясь чем-то новым, неизведанным, но очень приятным. А может, наоборот, рухнуть сквозь твердую толщу земли и окунуться в kloчущую огненную пену, сжигая все налипшее и приставшее за время нахождения в моей голове. Купаясь в бушующей лаве, оно обновляется и возрождается, готовое вернуться в тебя по первому твоему зову. А может быть еще и такое: ты спокойно и плавно распускаешь свое сознание, и оно нежным призрачным облачком растекается вокруг тебя по местности, постепенно расширяясь во все стороны и заполняя собой и норку ящерицы, и древесное дупло

с белкой, обнимая при этом каждый листик. Ты можешь видеть и чувствовать все, что творится вокруг тебя на большое расстояние.

– И ты можешь это видеть?

– Да. Только недалеко: метров на пятьсот. Но я знаю, что скоро смогу и больше. Раньше я не мог этого делать, долго входил в это состояние. Я учусь управлять собой, своим сознанием.

– А что ты видишь сейчас?

– Почти в конце моего сознания, по дороге, на бревенчатом настиле между двух деревьев, сидят двое сторожей. Они вооружены карабинами с оптическими прицелами. Они счастливы. Они играют в карты и пьют по очереди из одной бутылки. Но им недолго радоваться, так как они, увлекшись игрой, не заметили пятерых охотников, подошедших к ним со стороны деревни. Один из подошедших, скорее всего начальник. Он сильно ругается. О-о, он полез наверх. Сейчас он им сделает вздрючку. А позади нас только что подорвался на нашей растяжке здоровый кабан. К сожалению, я на растяжке поставил только одну гранату, поэтому его не убило, а только посекло осколками и перебило ноги. Он лежит и кричит от боли, а все стадо в страхе бежит, ломая кусты и поросль. Пройдут сутки, пока он медленно истечет кровью и подохнет. Если, конечно, до этого на него не наткнется медведь, тигр или какая-нибудь рассомаха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.